

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS ET MUSÉE DE L'ERMITAGE

902.6 (C182)

F92

М. ГРЯЗНОВ

ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН

M. GRIAZNOV

LE KOURGANE DE PAZYRYK

Москва—Ленинград

1937

Moscou—Leningrad

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS ET MUSÉE DE L'ERMITAGE

M. GRIAZNOV

LE KOURGANE DE PAZYRYK

*Éditions de l'Académie des Sciences de l'URSS
Moscou · 1937 · Leningrad*

902.6 (с 182)
Г-92

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

902.6
Г. 92

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

М. ГРЯЗНОВ

ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН

ПРОВЕРЕНО

Издательство Академии Наук СССР
Москва • 1937 • Ленинград

БИБЛИОТЕКА
ЗММ
Инв. № 2075

Редактор академик *И. А. Орбели*

Rédacteur *Joseph Orbéli*, de l'Académie

W

Многие десятки лет Алтай был глухой окраиной Сибири. Слово Алтай было многие годы символом дикости, глуши, непроходимых гор и лесов. Алтай был отрезан от культурного мира. В его горных теснинах ютились оттесненные царской колонизацией культурно-отсталые племена номадов и охотников-собирателей.

Совсем иную картину представляет собой советский социалистический Алтай. Сеть автомобильных дорог связала его с остальным миром. Ойроты, населяющие горный Алтай, Ойротскую автономную область, создали свою письменность. Они имеют свой театр, музей, свою интеллигенцию, свою промышленность, свое крупное механизированное сельское хозяйство. Идя по пути создания новой культуры, Алтай перестает быть культурно-отсталым районом. Создавая сеть совершенных дорог, он перестает быть окраиной.

Однако не всегда Алтай был окраиной и культурно-отсталым районом. Когда наиболее совершенным видом транспорта был верховой или вьючный конь, когда горная тропа ничем, или почти ничем, не отличалась от тропы на равнине, алтайские горные цепи не были преградой для проникновения через них новых культурных приобретений. Народы Алтая жили тогда одной общей культурной жизнью с многочисленными кочевыми народами обширных степных пространств.

В долинах Алтая сохранилось много памятников глубокой старины, относящихся к различным периодам истории народов Алтая. Особенно многочисленны могильные памятники. Земляные холмики и курганы, каменные оградки и выкладки, аллеи камней, каменные насыпи от двух-трех метров в диаметре до огромных каменных курганов объемом в 3000—4000 куб. м, все эти памятники, группа за группой, иногда на десятки километров тянутся непрерывной цепью вдоль берегов горных рек. Эти памятники давно привлекали к себе внимание исследователей. О них много писалось. В музеях имеются отдельные предметы, добытые хищническими раскопками золотоискателей и свидетельствующие о том, что в алтайских древних могилах можно найти много ценного исторического материала. Однако научного исследования их путем археологических раскопок не производилось, если не считать раскопок акад. В. В. Радлова, произведенных в 1865 г. и к настоящему времени значительно уже устаревших, да небольших раскопок, произведенных в 1911 г.

Только за последние 20 лет Алтай стал объектом постоянных систематических археологических исследований. Советские археологи из Москвы и Ленинграда, из Ойрот-Туры (центр Ойротской автономной области) и Бийска ежегодно производят археологические раскопки в различных пунктах Алтая, исследуя древние памятники всех эпох, начиная с палеолита.

Особое место в археологическом исследовании Алтая принадлежит Алтайской экспедиции, организованной в 1924 г. Государственным музеем этнографии в Ленинграде. Эта экспедиция, проработавшая на Алтае несколько лет, положила начало систематическому изучению далекого прошлого народов Алтая. Ею были открыты и изучены памятники различных эпох, в том числе и разнообразные могильные памятники первых кочевников-скотоводов, синхроничные, а в некоторых отношениях и сходные с памятниками скифов Причерноморья.

Эта эпоха интересна в том отношении, что в ней впервые в истории степных народов проявляется широкий международный культурный обмен. Отдельные племена выходят из состояния взаимной изоляции. Новое транспортное средство — оседланный конь — значительно облегчает международные связи, хотя связи эти осуществляются преимущественно в форме военных столкновений.

Эпоха эта интересна еще и тем, что в ней происходят коренные изменения структуры первобытно-коммунистического родового общества. Распространение права частной собственности на скот, т. е. на основное средство труда кочевников, создает все предпосылки для неравномерного распределения ценностей в обществе. Богатство в эпоху разложения родового общества обычно сочеталось и с высоким общественным положением его обладателя. В могильных памятниках Алтая такая дифференциация общества нашла себе яркое отражение. Наряду с сравнительно бедными погребениями рядовых членов рода мы при раскопках встречаем также богатые погребения родовых старейшин и, наконец, исключительно богатые с огромными могильными сооружениями погребения вождей племен или родоплеменных союзов.

Все эти типы могильных памятников представляют собой равную научную ценность в том смысле, что для изучения истории общества на Алтае надо располагать материалом обязательно из всех этих категорий погребений. Однако погребения представителей высших слоев алтайского общества рассматриваемой эпохи представляют исключительный научный интерес, благодаря некоторым свойственным только им особенностям. Дело в том, что сооруженные над этими могилами огромные каменные насыпи создают для лежащих под ними слоев земли особый температурный и водный режим. Огромная каменная насыпь является конденсатором влаги из окружающего воздуха. Под такой насыпью земля делается обильно увлажненной.

Кроме того, насыпь из рыхло набросанного камня представляет собой плохой проводник тепла и, в то же время, совершенно свободно пропускает в свои нижние слои более тяжелый зимний холодный воздух. Земля под насыпью зимой сильно промерзает, а лучи летнего солнца не в состоянии ее отогреть. В результате могила, находящаяся под такой насыпью, замерзает, процессы разложения погребенных в ней предметов прекращаются, и исследователь находит совершенно исключительный по своей сохранности материал.

Алтайская экспедиция исследовала два таких погребения и в обоих случаях получила исключительно богатый по своему разнообразию и научному интересу материал. В первом погребении, исследованном автором настоящих строк в 1927 г. на р. Урсуле в местности Шибе, условия сохранности захороненных предметов были по ряду причин менее благоприятны. Тем не менее это погребение дало такие находки, какие в иных условиях не могли бы иметь места. В погребении были найдены искусственно мумифицированные трупы старика и подростка (вспомним рассказ Геродота о том, как причерноморские скифы мумифицировали трупы своих царей), резные скульптурные украшения из коры и дерева, покрытые позолотой, китайский лак, раскрашенная и позолоченная резьба по рогу, свыше 500 всевозможных золотых и золоченых украшений одежды и много других разнообразных по своему назначению предметов.¹

Особо благоприятные условия сохранности оказались во втором исследованном экспедицией погребении подобного рода, на р. Ян-Улаган (Восточный Алтай) в местности Пазырык. Высоко в горах, в одной из ложбин Улаганского плоскогорья, на высоте около 1600 м над уровнем моря расположены цепочкой по направлению с севера на юг пять больших каменных курганов. Один из них раскопан автором в 1929 г. Как удалось установить на основании многих данных, погребение было совершено осенью около

сентября, когда в этой местности ежедневно наблюдаются сильные утренние заморозки. Благодаря этому могила еще в момент ее сооружения успела замерзнуть. Могила эта, как и все подобного рода могилы на Алтае, разграблена еще в ту же самую эпоху, может быть в тот же самый год, в какой она сооружалась. Наблюдения в Пазырыкском кургане показывают, что погребение было разграблено осенью или зимой. Благодаря этому могила, оставленная грабителями открытой, еще более промерзла. Таким образом все погребенное в Пазырыкском кургане почти совершенно не подвергалось процессам разложения. Дерево, из которого сделано внутримогильное сооружение, сохранило не только свою структуру и прочность, но и смолистый запах. Трупы погребенных в могиле лошадей сохранили все особенности своего экстерьера. Кожа, шерсть, мускулатура, внутренности, даже остатки непереваренной пищи в кишках, пролежавшие более двух тысяч лет в земле, могут быть детально изучены—так хороша сохранность трупов. Нечего и говорить, что так же хорошо сохранились и всевозможные изделия из других материалов. Изделия из кожи, меха, шерсти, тканей, дерева и проч. иногда так хорошо сохранились, что не верится в их более чем двухтысячелетнюю давность.

Под насыпью Пазырыкского кургана находилась огромная квадратная могильная яма площадью в 52 кв. м и глубиной в 4 м. На дне могильной ямы сделано сложное деревянное сооружение. Сруб из толстых досок, вытесанных бронзовым топором из целых стволов дерева, с таким же досчатым полом и бревенчатым потолком, занимал более половины площади могильной ямы. Поверх этого сруба сооружен второй, бревенчатый. Первый сруб оказался как бы в футляре. Тесные промежутки между стенами этих срубов тщательно забиты мелким дробленным камнем. Потолок сруба покрыт толстым слоем бересты и стеблями «курильского чая» (*Potentilla fruticosa* L.).

По бокам такого, если можно так выразиться, двух-
слойного сруба поставлены три пары толстых столбов
с желобоватым обрубом верхних концов, а на столбы во-
дружены поперек сруба три массивных бревна-балки. На-
конец, поверх балок могильная яма заполнена более чем
тремястами длинных бревен. Столбы с балками предохра-
няли сруб от тяжести лежащих над ним бревен. Описан-
ный сруб служил погребальной камерой для похоронен-
ного в могиле тела умершего. В оставшейся свободной
от сруба северной части могильной ямы были погребены
сопровождавшие покойника 10 жеребцов. Эти кони покрыты
толстым слоем березовой и лиственничной коры и завалены
слоем длинных бревен.

В этой части погребения толща наваленных бревен
доходила почти до трех метров. Вот в основных чертах
устройство могильного сооружения.

Грабители, расхитившие погребение, произвели силь-
ные разрушения в могиле. Прокопав посередине шахту,
они прорубили узкий колодец в заполнявших могилу
бревнах и, достигнув потолка, прорубили в нем узкое
овальное отверстие диаметром всего лишь в 60 см. Через
это отверстие они проникли в камеру. Через него же они
вытащили из могилы все, что представлялось для них
ценным. Чтобы лучше сдирать позолоту с предметов, они
тащили их из темной могилы наверх целиком или разло-
манными на части. Даже труп покойника, вместе с его не-
сомненно богатыми одеждами, они целиком вытащили на-
верх. Трудно себе даже представить, какое количество ма-
териальных ценностей было извлечено ими из могилы,
какое количество художественных изделий ими погублено.

Зная, что в северной части могилы, за срубом, также
имеются ценные вещи, грабители прорубили северную
стену сруба, выбрали камень, заполнявший промежуток
между стенами внутреннего и наружного срубов, и стали
рубить бревна наружного сруба. Однако на этом их
разрушительная работа была по каким-то неизвестным

нам причинам прекращена. Во внешнем срубе они успели прорубить лишь маленькое отверстие, в которое нельзя было просунуть голову, ничего нельзя было увидеть, а, просунув руку, можно было только нащупать бревна, придавившие лошадей. Таким образом северная часть могилы сохранилась к моменту раскопок неприкосновенной.

Несмотря на полный разгром погребальной камеры, там осталось кое-что, дающее возможность составить себе некоторое представление о внутреннем убранстве погребальной камеры. Стены камеры были завешаны черным войлоком с широкой каймой из тонкого белого войлока. Кайма украшена по краям фестонами синего, желтого и яркокрасного войлока, а по середине ее чередуются синие и красные стилизованные изображения головы тигра в профиль, выполненные техникой аппликации. Фрагменты этого войлока найдены на полу камеры и частью на потолке сруба в грабительском ходе. Войлок был прибит частью деревянными, частью длинными медными гвоздями с широкой, вероятно позолоченной, шляпкой. Все шляпки медных гвоздей сбиты и вытащены грабителями наверх. Только одна из них была найдена при раскопках наверху в каменной насыпи. Эта шляпка точно подошла в месте излома к стержню одного из торчавших в стене гвоздей. Повидимому, на этих гвоздях были развешаны какие-то предметы, похищенные грабителями.

В просторную погребальную камеру несомненно было положено много различных предметов. Все они вытащены грабителями наверх. Только обломки некоторых из них после ухода грабителей свалились обратно в могилу. Среди последних отметим резную ножку какого-то предмета, оклеенную местами черемуховой корой, а местами, повидимому, покрытую позолотой, которая грабителями содрана. Среди свалившихся обратно в могилу предметов было и топориче бронзового топора. Это был обычный рабочий инструмент и принадлежал, вероятно, грабителям. Он сломан в месте насада кельта, а потому и брошен. Это первый

случай находки рукояти бронзового кельта, и найденная рукоять ничего общего не имеет с тем, что давали до сего времени археологи в своих рисунках-реконструкциях. Рукоять сделана из сука ели, вырубленного вместе с частью толстого ствола, которая и была обработана для насада на нее кельта.

Сам покойник был погребен в огромном саркофаге длиной в 3.75 м, выдолбленном наподобие колоды из толстого ствола вековой лиственницы. Крышка его сделана из другого такого же ствола. Вся внешняя поверхность саркофага оклеена узкими полосками блестящей коричневой коры, срезанной с тонких ветвей черемухи, а по бокам украшена крупными вырезанными из тонкой посеребренной кожи изображениями стилизованных птиц, данных в геральдической позе.

Мелкие фрагменты других предметов, оставшиеся кое-где на полу камеры среди камней, щепок и земли, как то: кожаные скульптурные головки горного козла, покрытые позолотой, обрывки позолоты каких-то предметов и т. п., заставляют думать, что в камере в свое время находилось много различных богато украшенных предметов, сделанных из разного материала и имевших различное назначение, но все это было похищено грабителями.

Особо интересными оказались находки в северной части могилы, совершенно нетронутой грабителями. И сохранность их оказалась лучше. В то время как камера была заполнена до потолка пористым льдом и к предметам был доступ воздуха, хотя и морозного, в северной части могилы все было сковано чистым, прозрачным, плотным льдом. Здесь в полном беспорядке были свалены убитые ударами острого бронзового молотка в лоб 10 золотисто-рыжих жеребцов. Поверх их трупов сброшено соответствующее количество комплектов снаряжения верхового коня.

Казалось бы, находки эти, однообразные по своему составу, не могут дать богатого материала для научного исследования. Но получилось обратное. пышное убран-

ство лошадей, многообразие примененных при его изготовлении материалов и техники их использования, исключительное богатство всевозможных орнаментов и изображений, выполненных в так называемом зверином стиле, наконец, трупы самих лошадей представляют собой неисчерпаемый источник для научных исследований по разным вопросам истории древнего общества и прежде всего по вопросам истории искусства.

Большой интерес представляют узда и седло. До сих пор мы имели находки только отдельных металлических и костяных деталей, которые не давали достаточного материала, чтобы составить себе хотя бы отдаленное представление о конструкции древнейшей формы узды и седла. Мы имели изображения скифского седла и узды на знаменитой Чертомлыкской вазе и некоторых других предметах из скифских курганов. Нам были известны изображения оседланных коней кочевников других районов по находкам Аму-дарьинского клада, а также по нескольким бляхам сибирской золотой коллекции Эрмитажа. Но все эти изображения настолько схематичны, что не могли быть поняты хоть сколько-нибудь правильно. Примером этому служит совсем недавно опубликованная В. Арендтом совершенно неудачная реконструкция скифского седла.² В Пазырыкском же кургане мы имеем узду и седло, полностью сохранившиеся со всеми деталями, вплоть до сухожильных ниток, которыми сшиты ремни.

В Пазырыкском кургане узда всех десяти комплектов богато украшена художественно вырезанными из кедровых бляхами или кожаными скульптурными фигурками. Все бляхи, застежки, псалии покрыты листовым золотом или посеребрены. Точно так же украшены и другие ремни седел. Поверх седел надеты покрывки из тонкого цветного войлока с аппликациями из тонкого же разноцветного войлока или из раскрашенной, посеребренной и позолоченной кожи. По бокам к покрывкам прикреплены разнообразные подвески, художественно выполненные из различных комби-

наций разноцветного войлока, посеребренной, позолоченной и окрашенной кожи, крашеного меха и крашеного конского волоса. Некоторые наборы так пышно покрыты различными украшениями, что скрывают от глаз не только седло, но частично и самого коня. Это, конечно, не обычные рабочее седло и узда. Все эти художественно выполненные тонкой работы украшения крайне непрактичны. Такие седла не выдержали бы ни одной хоть сколько-нибудь продолжительной поездки. Тонкие ажурные деревянные бляхи, аппликации на крышке седла, прихваченные лишь в нескольких местах сухожильной ниткой, и все прочие украшения седла так непрочны, что через первые же час-два езды они неминуемо бы переломались, перервались и растерялись. Эти седла нельзя назвать даже парадными. Они непригодны и для парадных выездов. Они сделаны специально для похоронной процессии и представляют собой погребальную бутафорию.

Если седла и узды Пазырыкского кургана являются лишь бутафорией, специально для погребения изготовленной, то можно ли по ним судить о конструкции седла и узды, употреблявшихся в повседневном быту? Конечно, можно. Если все внешнее убранство пазырыкского седла и узды могло и не иметь ничего общего с предметами повседневного быта, то основная конструкция их несомненно копирует настоящее подлинное рабочее седло и узду.

Освободив пазырыкскую узду от золоченых блях, мы получим такую узду, какая представлена, например, на золотой бляхе из сибирской золотой коллекции Эрмитажа, изображающей всадников под деревом. Эта узда имеет своеобразное устройство повода и особую систему скрепления удил с ремнями узды. Освободив пазырыкское седло от блях, крышки и подвесок, мы получим обычное рабочее седло, какое представлено на упомянутых выше изображениях седел скифов и азиатских кочевников скифской эпохи. Это седло по своей конструкции совершенно отлично от известных нам современных седел. Оно не

имеет никакой твердой основы. Это просто две сшитых вместе кожаных подушки, набитых оленьей шерстью. Поверх подушек перекинута подпруга, затягивающаяся с одной стороны узлом. Подвязанный к подпруге около самых подушек нагрудный ремень не дает седлу сползть назад, а подхвостный ремень не позволяет ему съезжать вперед. Стремян никаких нет. Вот и все устройство седла.

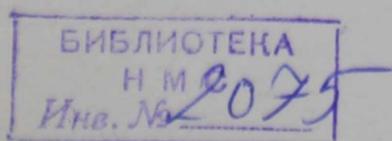
Пазырыкское седло — это наиболее примитивная и наиболее простая форма из всех известных нам седел. Возможно, что и вообще это — первая форма седла, так как более простая форма, какую можно себе представить, будет уже не седлом, а просто подстилкой. Вместе с тем, пазырыкским седлом представлен уже вполне выработанный, установившийся и широко распространенный среди степных кочевников тип седла, в то время как у передовых народов Востока и античного мира седла вовсе не имелось. И это не случайно. Кочевники-коневоды азиатских и причерноморских степей, вынужденные значительную часть своего времени проводить на лошади, должны были раньше других народов озаботиться введением в обиход таких приспособлений, которые предохранили бы спину лошади от сбитостей и других повреждений при постоянных длительных поездках и вместе с тем создали бы удобства и для самого седока. Таким приспособлением и явилось седло. Пускай это седло было еще не совершенным, но оно давало кочевнику много преимуществ и выгод.

При взгляде на седла и узды Пазырыкского кургана прежде всего обращает на себя внимание их внешнее художественное оформление. Обилие разнообразных сюжетов изображений и орнаментальных мотивов поражает впечатление зрителя. Более двухсот крупных, вырезанных из кедра, то есть из лучшего материала для резьбы по дереву, наременных золоченых и посеребренных блях представляют собой барельефные изображения различных зверей или их голов, или различных комбинаций отдель-

ных элементов звериного стиля, внешне похожих на мотивы растительного орнамента, и, наконец, изображения человеческого лица. Особо художественно выполнены псалии узды, представленные в виде фигур скачущих оленей, горных баранов и т. д. Подвески по бокам седла представляют собой красочные изображения голов горного барана, фигур рыб, рыбу или дракона, схвативших горного барана, огромных (более метра длиной) фигур тигра, имитации скальпов с головы человека и т. д. На покрывках седел даны крупные изображения борьбы различных зверей, или головы тигра и горного барана, или целые фигуры тигра. Наконец, на передних и задних поверхностях подушек седла и на подхвостных ремнях помещено множество разнообразных аппликаций из тонкой посеребренной кожи, представляющих чисто орнаментальные мотивы, выработавшиеся по всей вероятности в результате стилизации отдельных частей изображений зверей. Как техника исполнения, так и приемы стилизации чрезвычайно разнообразны. Наряду с реалистично изображенными зверями, исполненными с таким знанием модели, с таким чувством формы и с такой экспрессией, что искусству пазырыкских мастеров могут позавидовать и современные художники, наряду с такими изображениями мы имеем и крайне схематичные, настолько стилизованные, что и специалист археолог-искусствовед не сразу узнает изображаемый ими сюжет. Наряду с реальными зверями — лосем, благородным оленем, горным бараном, горным козлом, тигром и другими, мы имеем изображения мифических существ, в природе не существующих. Крылатый тигр с птичьей головой на конце хвоста, крылатый тигр с рогами степной антилопы на голове и клювом хищной птицы вместо морды и другие подобные существа перемежаются с фигурами вполне реальных зверей.

Ни один еще из памятников степных и горных районов Сибири и Причерноморья, богатых произведениями звериного стиля, не давал такого многообразия и количества этих

произведений. На сбруйных комплектах из Пазырыкского кургана можно насчитать свыше 80 различных изобразительных и орнаментальных мотивов, и многие из этих мотивов повторены по 18, по 24 и более раз. Особенно интересны сцены борьбы зверей, изображенные на покрывках седел и также на подвесках к ним и на некоторых деревянных бляхах. Тигр, впившийся в горло горного барана, тигр, вцепившийся зубами в круп лося, рыба или дракон, схватившие голову горного барана, хищная птица, поднявшая в лапах лося, крылатый тигр, поймавший за ногу и холку горного козла, и ряд других подобных изображений передают иногда весьма реалистически, иногда условно и схематически сцены победы одного животного над другим. Эти изображения ни в коем случае нельзя рассматривать как простую фантазию исполнявшего их художника или как простое натуралистическое изображение интересных моментов из жизни зверей. Мы не знаем в природе случая, чтобы даже самая сильная птица могла поднять в своих лапах лося, и вряд ли существовал когда-либо человек, видевший, чтобы тигр, обитатель болотных низин, поймал горного барана или горного козла, живущих только в высокогорных областях. Трудно также допустить, чтобы разным мастерам, а, как установлено исследованием, все десять седел сделаны и украшены разными мастерами, чтобы этим разным мастерам приходила в голову всегда одна и та же фантазия — изобразить, например, тигра с рогами степной антилопы. Несомненно этим изображениям придавался глубокий смысл. В этих изображениях проявляется яркое отражение идеологии общества, оставившего Пазырыкский курган, идеологии, корни происхождения которой кроются в давно пройденном к тому времени этапе тотемистического мышления. В этих изображениях мы должны видеть образное представление происходивших когда-то столкновений между различными племенными и родовыми группами, представлений о происхождении составляющих пазырыкское общество племен-

ных и родовых групп. Возможно также, что в некоторых из этих изображений надо видеть выражение и космических представлений. Птиц и крылатых зверей, с одной стороны, и рыб, с другой, можно рассматривать как представителей небесного и подземного миров.

Если комплекс находок Пазырыкского кургана по разнообразию, богатству и многочисленности изделий, выполненных в так называемом зверином стиле, является исключительным и необычным, то каждый отдельный из этих предметов звериного стиля не представляет собой чего-либо совершенно необычного ни по сюжету, ни по стилю изображаемых зверей. Таких находок мы знаем много. От Дуная до Бейпина, от Пянджа до Камы известно множество изделий этого рода, иногда совершенно сходных, но происходящих из местностей, удаленных друг от друга на несколько тысяч километров. Это дало повод для появления в археологической литературе таких терминов, как «скифо-сибирский звериный стиль», «сибирские скифы» и т. д. Но надо отметить, что этот «скифо-сибирский» стиль не является единым и не происходит из одного источника. Изображения зверей, сделанные в Венгрии, отличаются не только от ордосских, но и от волжских и днепровских, алтайские от енисейских, а западносибирские отличаются от камских. Отличия эти заключаются не только в стилистических деталях, но и в подборе сюжетов. В этом отношении искусство народов Алтая, представленное находками в Пазырыке и других памятниках той же эпохи, обладает многими свойственными только ему чертами и при внимательном рассмотрении не может быть смешано с искусством народов других областей. Если это искусство имеет много общего с искусством других народов, распространенных на обширной территории степной полосы, и сходство его так велико, что отдельные авторы объединяют все это в единый «скифо-сибирский звериный стиль», так это объясняется тем, что искусство всех этих народов выросло на сходной социально-экономической основе, со

сходным во многих случаях и историческим прошлым этих народов. Алтайское искусство рассматриваемой эпохи надо считать вполне самобытным. Оно не пришло извне и само не послужило первоисточником для других районов. Вместе с тем оно не было замкнутым в себе, изолированным. Все, что вполне соответствовало идеологическим запросам и художественным вкусам алтайского общества и находило таким образом для себя благоприятную почву, могло легко там прививаться, входя органической частью в его художественную культуру. Повидимому так надо объяснять сходство некоторых изобразительных приемов, одинаково свойственных как ахеменидскому искусству Ирана, так и искусству народа, соорудившего Пазырыкский курган.

Находки в конской части Пазырыкского кургана не исчерпываются рассмотренными седлами и уздами. Там было найдено и еще несколько предметов, в той или иной мере связанных с верховой лошастью. Предметы эти частью находились вне связи с седлом, частью были к нему прикреплены. Среди этих предметов отметим щиты, сделанные, подобно щиту, изображенному на известном золотом гребне из кургана Солоха, из палочек, скрепленных лоскутом кожи, ременный кнут с деревянной рукояткой, мешочек-подушечка, сшитый из меха с головы рыси и наполненный стеблями, повидимому, ароматических растений, сумка, сшитая из узорчатых кусочков цветного меха, и некоторые другие предметы.

Наиболее интересной, самой замечательной находкой в конской части могилы являются маски, надевавшиеся на голову лошади. Для двух коней, кроме узды и седла, было брошено в могилу еще несколько совершенно своеобразных и ранее нигде не встречавшихся предметов. Это кожаные орнаментированные футляры на хвост, украшения на гриву, сшитые из войлока, кожи и бахромы из конского волоса, покрашенного в яркокрасный цвет и также орнаментированные, и, наконец, маски на голову. Обе маски сшиты из толстого войлока и кожи. Почти вся поверх-

ность одной маски занята изображением борьбы двух зверей — крылатого хищника и тигра. Голова и крылья первого хищника сделаны из приставных частей и возвышаются над лбом лошади, а туловище с поджатыми под живот ногами повторено с обеих сторон и служит нащечными лопастями маски. Зверь этот имеет туловище и голову хищника из семейства кошек, крылья птицы и на голове рога степной антилопы. Вдоль всей носовой части маски помещена фигура тигра, покрытая листовым золотом, на поверхности которого черной краской разрисованы детали зверя — глаза, уши и прочее на голове, а полосатый рисунок его шерсти на туловище и ногах. Голова тигра помещена на лбу лошади, передние лапы по обе стороны над глазами, а задние по краям верхней губы. Оба зверя изображены во взаимной борьбе. Крылатый зверь схватил тигра обеими лапами за горло, а тигр в свою очередь вцепился зубами в грудь первого, а лапами в его лопатки. Внешне эта маска должна была выглядеть чрезвычайно эффектно. Крупный золотой тигр резко выделялся на фоне пестрого и яркого крылатого зверя, туловище, голова и крылья которого были составлены из цветной, посеребренной и позолоченной кожи, а грива сделана из яркокрасного конского волоса.

Еще эффектнее должна была выглядеть вторая маска, более простая по своему сюжету, но более нарядная и пышная. На носовой ее части была помещена такая же фигура распластанного тигра, вырезанная из окрашенного в яркосиний цвет меха и покрытая по поверхности золотыми кружками величиной немного более горошины. Остальные части маски сделаны из цветной кожи с прорезанными в ней розетками, и в прорезы эти вложены золотые листки. В том месте, где на первой маске помещались приставные крылья, здесь были прикреплены сшитые в натуральную величину из толстой кожи рога северного оленя. Поверхность рогов обтянута тонкой цветной кожей с орнаментальными прорезями. Рога в прорезях посеребрены,

а местами и покрыты листовым золотом. В концы отростков рогов вставлены кисти из яркокрасного конского волоса. Рога хотя и стилизованы, но исполнены с соблюдением всех отличий, свойственных северному оленю. Мастер, их изготовлявший, нарочито подчеркнул все особенности рогов северного оленя, чтобы их никак нельзя было смешать с рогами других оленей.

Н. Я. Марр показал на основе изучения лингвистических материалов, что первым верховым животным был олень, что оленя в этой функции впоследствии сменила лошадь.³ Пазырыкские маски дают блестящее подтверждение этим выводам, сделанным Марром за три года до раскопок Пазырыкского кургана.⁴ Если в жизни общества, соорудившего Пазырыкский курган, олень уже давно потерял свое значение как верховое животное, то в погребальном культе он продолжает играть эту роль. Покойника отправляют в потусторонний мир в сопровождении оседланного оленя. Правда, олень этот не настоящий, это лишь замаскированная под оленя лошадь, но ведь в погребении не обязательно все должно быть настоящим. В Пазырыкском кургане многое, а может быть и все, не настоящее, а сделанное специально для погребения, сделанное непрочное и не из тех материалов, какие в данном случае были нужны.

Время сооружения Пазырыкского кургана относится к IV—III вв. до н. э., а лошадь как верховое животное употреблялась народами Алтая и приалтайских степей по крайней мере за пять столетий до этого. Следовательно, строители Пазырыкского кургана могли знать о том, что верховому коню предшествовал верховой олень, только по старинным преданиям, а может быть и совсем не знали об этом, но память об этом сохранилась в культе, в частности в погребальном культе, первоначальный смысл которого был уже утрачен. Быть может этим и объясняется, что вторая маска с изображением борьбы двух зверей, сделанная совершенно по типу первой, не имеет рогов оленя.

Рога оленя на ней использованы для других целей. Они превращены в крылья верхнего зверя. Таким образом, в этой маске обычай маскировать лошадь под оленя совершенно утратил свой смысл. Осталась лишь внешняя сторона этого обычая — надевание на лошадь маски, которой придавалось иное, совершенно новое осмысление.

Исключительно хорошая сохранность находок Пазырыкского кургана знакомит нас со многими такими сторонами жизни древнего общества, о которых при обычных условиях сохранности археологического материала и думать не приходится. Не будь под насыпью Пазырыкского кургана замороженного грунта, мы бы в нем не нашли ничего кроме дюжины медных гвоздей, десятка железных удил, да множества измятых и утративших свою форму листочков золота. Весь рассмотренный нами богатейший и разнообразный материал был бы совершенно утрачен. От погребенных в Пазырыкском кургане лошадей мы бы имели только кости, которые не дали бы нам возможности составить представление об экстерьере этих лошадей. Сохранившиеся же в кургане целые трупы лошадей позволяют изучить особенности их с такой полнотой, какая совершенно немыслима в других случаях. Вопреки всем ожиданиям оказалось, что кони Пазырыкского кургана совершенно не похожи на так называемых «монголов», то есть современных степных азиатских лошадей. Проф. В. О. Витт, изучавший пазырыкских лошадей, отмечает их высокорослость, сухопарость, их стройное и крепкое сложение. Как ближайшую аналогию им среди современных лошадей он указывает на знаменитых туркменских скакунов, которые по мнению некоторых исследователей были наравне с арабской лошадью родоначальниками английской скаковой. Пазырыкские кони не имеют никаких сбитостей и других полученных на работе повреждений. Золотисторыжая шерсть их содержалась в полном порядке. Грива и челка коротко подстрижены, подрезаны и без того короткие кисточки на ногах, волос в верхней части хвоста подре-

зан почти у самого корня. Такой убор коня придавал ему некоторое сходство с диким конем. Все пазырыкские кони имеют на себе знаки собственности. На их ушах сделаны надрезы. У одной лошади сделано 3 надреза на левом и 2 на правом ухе, у другой 1 на левом, 2 на правом и т. д., у всех лошадей по-разному. Нет двух таких лошадей, у которых надрезы на правом и левом ушах распределялись бы одинаково. Повидимому, все 10 лошадей принадлежали различным владельцам и были положены в могилу умершего, как дары от подчиненных ему людей.

Нет надобности говорить о том, какую крупную роль играл верховой конь в жизни общества, оставившего Пазырыкский курган. Уже самый факт погребения с человеком десяти прекрасных жеребцов с таким богатым снаряжением красноречиво говорит о крупнейшем значении коня, как лучшего средства передвижения. Надо лишь отметить, что конь был не единственным средством транспорта. Он выполнял лишь наиболее ответственную работу, требующую быстроты и легкости передвижения, в первую очередь для военных надобностей. Основным же средством транспорта для хозяйственных потребностей являлись другие животные, прежде всего бык. Об этом говорят и находки Пазырыкского кургана. В верхней части могильной ямы, среди заполнявших ее бревен, найдены различные деревянные предметы, служившие орудиями при сооружении могилы. Здесь были клинья, колья, обломки лопат, колотушки и др. Среди этих предметов оказались также 2 ярма для запряжки быков и три части арбы.

В таком кратком очерке невозможно хоть сколько-нибудь подробно рассказать о всех материалах, добытых раскопками Пазырыкского кургана. Находки Пазырыкского кургана, благодаря их идеальной сохранности, позволяют иногда с исключительной полнотой изучить различные стороны деятельности древнего человека, позволяют освещать ряд таких вопросов из его хозяйственной, общественной и духовной жизни, какие при изучении

материалов из обычных археологических памятников перед исследователем даже и не возникают. Мы здесь могли лишь бегло коснуться только некоторых важнейших из них. О многих материалах Пазырыкского кургана и вопросах, освещаемых и разрешаемых этими материалами, мы не могли даже упомянуть. Изучение материалов Пазырыкского кургана требует участия в этом специалистов по различным научным дисциплинам, так как многие вопросы для своего разрешения требуют специальных знаний в различных областях науки. Эрмитаж, в залах которого экспонированы находки Пазырыкского кургана, готовит к изданию специальный обширный том, посвященный подробному изучению материалов Пазырыка. В этом издании читатель найдет и исчерпывающее описание всех добытых раскопками предметов.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткое сообщение о раскопках этого погребения см. в моей статье в «Wiener Prähistorische Zeitschrift», XV, 1928.
2. См. W. Arendt, Sur l'apparition de l'étrier chez les Scythes, Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX, Helsinki, 1934.
3. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Изд. Кавказского Историко-археологического института, Ленинград, 1926.
4. О значении находки масок в Пазырыкском погребении см. подробнее N. Marr, Compte-rendu préliminaire d'une mission à l'étranger, Comptes-rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS, Série B, 1929, n° 17.

Pendant beaucoup de dizaines d'années l'Altaï n'était qu'une partie perdue des confins de la Sibérie. Le mot Altaï depuis longtemps est devenu symbole de barbarie, d'un trou de province morte, des fourrés et des montagnes impénétrables. Il était isolé du monde civilisé. Ses défilés abritaient des tribus arriérées de nomades et de chasseurs, repoussées par la colonisation tsariste.

Sous un tout autre aspect se présente l'Altaï socialiste soviétique. Un réseau de routes l'a lié avec les autres parties de l'univers. Les Oïrotes (le nom des tribus, habitant les hautes régions de l'Altaï), formant — quant à l'administration — une région autonome, ont créé leur propre écriture et littérature. Ils possèdent leur propre théâtre, leur musée, ils ont leurs intellectuels, leur industrie, leur grande agriculture mécanisée. En tâchant d'égaliser les pays avancés dans tous les domaines de la civilisation, l'Altaï cesse d'être une contrée arriérée. En créant le réseau de routes perfectionnées, il cesse d'être au bout du monde.

Mais l'Altaï n'a pas toujours été une partie perdue des confins éloignés du monde culturel, il n'a pas toujours été une contrée arriérée. Dans le temps quand le cheval de selle ou le cheval de bât était le meilleur moyen de transport, quand le sentier des montagnes différait fort peu du sentier de la plaine, les chaînes des monts Altaï ne for-

maient pas d'obstacle aux nouvelles acquisitions culturelles. Et les peuples de l'Altaï vivaient alors avec les nombreuses tribus nomades des vastes régions des steppes d'une vie commune et culturelle.

Les vallées de l'Altaï possèdent beaucoup de monuments de grande antiquité, de monuments provenant de différentes périodes de l'histoire des peuples de l'Altaï. Particulièrement nombreux sont les monuments sépulcraux. Des tertres et des kourganes (des tumuli), des enceintes de pierre et des maçonneries, des allées en pierre et des remblais de pierre de 2—3 m en diamètre et jusqu'aux énormes kourganes de pierre d'un volume de 3000—4000 m³, tous ces monuments, un groupe après l'autre, parfois s'ensuivent en chaînes continues pendant des dizaines de kilomètres, le long des rivières. Depuis longtemps ces monuments avaient fixé l'attention des savants. Ils sont amplement décrits. On trouve dans les musées des objets épars, le butin des fouilles rapaces des chercheurs d'or — et en même temps le témoignage de la richesse de matériaux historiques, qu'on peut trouver dans les sépultures anciennes de l'Altaï. Mais à l'exception des fouilles de l'académicien W. W. Radloff en 1865, à présent déjà fort surannées, et des fouilles de courte durée en 1911, ces sépultures anciennes n'ont pas été étudiées scientifiquement par des fouilles archéologiques.

Ce n'est que pendant les dernières 20 années que l'Altaï est devenu l'objet des recherches archéologiques systématiques et continues. Les archéologues soviétiques de Moscou et de Leningrad, d'Oïrot-Toura (le centre de la Région Autonome des Oïrotes) et de Biïsk creusent chaque année dans les divers lieux de l'Altaï, en explorant les anciens monuments archéologiques de toutes les époques à partir le paléolithique.

Dans l'exploration archéologique de l'Altaï une place spéciale doit être réservée à l'expédition altaïque, organisée en 1924 à Leningrad par le Musée Ethnographique de l'Etat (ci-devant — Département Ethnographique du

Musée Russe). Cette expédition, ayant travaillé à l'Altaï plusieurs années, mit le fondement des recherches systématiques sur le passé éloigné des peuples de l'Altaï. Elle a découvert et étudié les monuments de divers époques, et, parmi les autres, des monuments sépulcraux de l'époque des premiers nomades-éleveurs, synchrones (et en quelques égards — analogues) aux monuments des Scythes des confins de la Mer Noire.

Cette époque nous intéresse particulièrement par ce qu'elle vit pour la première fois dans l'histoire de larges échanges culturels internationaux parmi les peuples des steppes. Les tribus sortent de l'état d'isolation mutuelle. Le nouveau moyen de transport — le cheval sellé — facilite considérablement les rapports internationaux, quoique ces rapports se réduisent principalement à la forme de collisions militaires.

Cette époque est d'autant plus intéressante, que pendant sa durée la structure même de la société de clan primitivement communiste, subit des changements fondamentaux. La propagation du droit de propriété privée sur le bétail, c'est-à-dire sur le principal moyen de production des nomades, — cette propagation crée les prémisses pour la distribution inégale des valeurs dans la société. Pendant l'époque de la dissolution de la société de clan, la richesse se trouvait ordinairement réunie à une haute situation sociale du possesseur de cette richesse. Une pareille différenciation de la société s'est reflétée d'une manière frappante dans les monuments sépulcraux de l'Altaï. A côté des sépultures relativement pauvres des simples membres du clan, nous rencontrons dans les fouilles des riches sépultures des chefs de clan et même des sépultures extrêmement riches, avec des énormes constructions sépulcrales — celles des chefs de tribus ou même des ligues de clans et de tribus.

La valeur scientifique de tous ces types de monuments sépulcraux est égale en ce que pour l'investigation de l'histoire de la société de l'Altaï on doit nécessairement disposer du matériel, provenant de toutes ces catégories

de sépultures. Mais pourtant les sépultures des représentants des groupes supérieurs de la société altaïque de l'époque en question sont pour nous d'un intérêt tout exceptionnel, grâce à quelques particularités spécifiques. C'est que les énormes remblais de pierre, élevés au-dessus de ces sépultures de la dernière catégorie créent pour les couches inférieures de terre un régime thermique et hygrométrique tout spécial. Le massif des pierres du remblai n'est pour ainsi dire qu'un condensateur de l'humidité, qui l'attire de l'atmosphère. Sous un pareil remblai la terre devient abondamment humectée. En outre, un remblai très poreux (puisqu'il consiste de pierres, jetées ensemble) est un mauvais conducteur thermique et en même temps l'air froid de l'hiver, étant le plus lourd, passe absolument sans obstacle dans les couches inférieures du remblai. La terre sous le remblai congèle fortement en hiver et les rayons du soleil estival ne parviennent pas à la réchauffer. Il en résulte qu'une tombe, située sous un tel remblai, congèle, les procès de décomposition cessent complètement et l'investigateur trouve son matériel dans un état de conservation tout à fait exceptionnel.

L'expédition altaïque a étudié deux sépultures de cette espèce et dans les deux cas, elle a recueilli des matériaux excessivement riches par leur diversité et valeur scientifique. Les conditions de conservation pour toutes sortes de raisons avaient été moins favorables dans la première des sépultures (sur la rivière Oursoul, dans la localité Chibé), étudiée par l'auteur de ces lignes en 1927. Néanmoins cette tombe a donné lieu à de telles trouvailles, que d'autres conditions jamais n'avaient pu produire. On a trouvé dans la tombe des cadavres artificiellement momifiés d'un vieillard et d'un adolescent; cela évoque à la mémoire le récit d'Hérodote sur la manière de momifier les cadavres de leurs rois, pratiquée par les Scythes des confins de la Mer Noire. On a trouvé aussi des ornements sculptés en écorce et en bois, couverts de dorure, des laques chinois, des sculptures colo-

riées et dorées en corne, plus de 500 parures de vêtements de toute sorte, en or ou dorées, et encore beaucoup de différents objets de la plus diverse destination.¹

D'autre part des conditions extrêmement favorables, à une bonne conservation eurent lieu dans la seconde sépulture en question, au bord de la rivière Yan-Oulagan (Altaï d'Est), dans la localité Pazyryk. Dans une région de hautes montagnes, dans un bas fond du plateau d'Oulagan, à une altitude près de 1600 mètres au-dessus de la mer, se trouvent situés en chaîne dans la direction Nord-Sud, cinq grands kourganes de pierre. Un d'eux a été fouillé par l'auteur en 1929. A la base de nombreuses données, l'on parvint à constater que l'inhumation avait été faite en automne, à peu près au mois de septembre, — à une saison quand les fortes premières gelées matinales se manifestent quotidiennement dans cette contrée. Grâce à cela, la tombe à eu le temps de congeler pendant la période de construction même. Cette tombe, comme aussi toutes les tombes de cette sorte en Altaï, avait été pillée encore à l'époque (peut-être l'année-même) de sa construction. Des observations démontrent que la sépulture du kourgane de Pazyryk a été pillée en automne ou en hiver. Il s'ensuivit que la tombe, laissée ouverte par les pilleurs, n'en est congelée que davantage. Ainsi tout ce qui était enfoui dans ce kourgane a été préservé de la décomposition. Le bois qui servit à la construction intérieure de la tombe a non seulement conservé sa structure et sa solidité, mais possède encore son odeur résineuse. Les cadavres des chevaux inhumés dans cette tombe ont conservé toutes les particularités de leur extérieur. La peau, le poil, les muscles, les intestins, et même les restes de nourriture non digérée dans les boyaux, le tout, déposé plus de deux mille ans dans la terre, peut servir d'objet pour l'étude la plus détaillée — vu la bonne conservation des cadavres. Il va sans dire que non moins idéale a été aussi la conservation des divers articles d'autres matériaux. Des objets en cuir, en fourrure, en laine, en étoffes,

en bois etc. se sont conservés parfois si bien, qu'on a peine à croire à leur antiquité de plus de deux mille ans.

Sous le remblai du kourgane de Pazyryk se trouvait une énorme fosse sépulcrale de forme carrée, de 52 m² de surface et d'une profondeur de 4 m. Au fond de cette fosse se trouve une construction en bois compliquée. Plus que la moitié de la surface de la fosse était occupée par la cage, faite de grosses planches, taillées — avec une hache en bronze — de troncs d'arbres entiers; cette cage était munie d'un plancher de planches de la même sorte et d'un plafond en rondins. Elle était surmontée d'une autre, construite non de planches, mais de poutres. La première cage se trouvait ainsi comme dans un étui. Les espaces étroits entre les murs de ces deux cages ont été soigneusement remplies de petites pierres morcelées. Le plafond de la cage est recouvert d'une grosse couche d'écorce de bouleau et de tiges de buisson de *Potentilla fruticosa* L.

De deux côtés de cette cage, pour ainsi dire «en deux couches» ont été posées trois paires de gros piliers, dont la partie supérieure avait été coupée en forme de rainure. Sur ces piliers, les constructeurs de la tombe avaient mis, à travers la cage, trois massives solives. Enfin, par-dessus les solives, la fosse avait été remplie de plus de trois cents poutres. Les piliers ainsi que les solives préservaient la cage du poids des poutres superposées. La cage en question servait de chambre sépulcrale pour le cadavre inhumé dans la tombe. La partie du nord de la fosse sépulcrale, qui avait été resté libre de la cage, a reçu pour sa part les dix étalons qui formaient le convoi funèbre du défunt. Ces chevaux furent recouverts d'une grosse couche d'écorce de bouleau et de mélèze, et ensuite on a fait écrouler dessus toute une couche de longues poutres. Dans cette partie de la tombe l'épaisseur des poutres entassées montait jusqu'à trois mètres. Tel a été dans les traits principaux l'arrangement de l'édifice tumulaire.

Les pilliers de la sépulture ont effectué de grandes destructions dans la tombe. Ayant creusé le remblai au milieu,

ils ont percé dans les poutres qui remplissaient la tombe, un puits étroit, et, ayant atteint le plafond, ils percèrent dans ce plafond une étroite ouverture ovale. Par cette ouverture d'un diamètre de 60 cm à peine, ils parvinrent dans la chambre, et purent retirer de la tombe tout ce qui leur a paru avoir de la valeur. Pour mieux écorcher la dorure des objets, ils les ont montés de la tombe toute sombre en haut — soit entiers, soit mis en morceaux. Le cadavre même du défunt avec ses vêtements assurément riches, a été retiré de la fosse par les pilleurs. Il est difficile à s'imaginer quelles valeurs matérielles ont été retirées de la tombe, — et quelle quantité de valeurs scientifiques a été détruite.

Sachant que dans la partie du nord de la tombe, au delà de la cage, se trouvent aussi des objets de valeur, les pilleurs ont fendu le mur de la cage; ensuite, ils retirèrent les pierres remplissant l'espace entre les murs des deux cages (entre l'extérieure et l'intérieure) et commencèrent à hacher les poutres de la cage extérieure. Mais en ce moment, quelque cause, inconnue pour nous, vint mettre fin à leur travail destructif. Les pilleurs n'ont eu que le temps de fendre un tout petit trou, qui ne laissait point passer la tête et ne permettait de rien voir. Même une main, qui pourrait passer par ce trou, ne pouvait tâter que les troncs d'arbres couvrant les chevaux. Ainsi la partie du nord de la tombe resta intacte jusqu'aux fouilles.

Malgré la complète dévastation de la chambre sépulcrale, quelques objets qui y sont restés nous permettent de former une certaine idée du décor intérieur de la chambre. Ses murs avaient été garni de feutre noir liséré d'un fin feutre blanc. La bordure du liséré était formée de festons de feutre bleu, jaune et rouge-vif, tandis que le milieu était rempli d'images stylisées; une à une se suivent des têtes de tigre rouges et bleues, exécutées en application. Des fragments de ce feutre ont été trouvés sur le plancher de la chambre et, en partie, aussi au plafond — dans l'entrée, creusée par les pilleurs. Le feutre était fixé tantôt avec des clous en bois, tantôt avec

de longs clous d'airain, munis d'une large tête, apparemment dorée. Toutes les têtes des clous avaient été abattues et emportées par les pilleurs. Une seule a été retrouvée au cours des fouilles — notamment en haut, dans le remblai de pierre. Cette tête dans l'endroit de la fracture correspond précisément au pied d'un des clous saillants du mur. Probablement des objets quelconques enlevés par les pilleurs y étaient accrochés.

La chambre sépulcrale était remplie sans doute d'un tas de divers objets. Les pilleurs les ont monté en haut. Seuls les débris de quelques-uns tombèrent de nouveau dans la tombe après le départ des pilleurs. Notons parmi eux le pied sculpté d'un objet quelconque couvert partiellement de l'écorce de putiet et, probablement, partiellement doré; cette dorure a été arrachée par les pilleurs. Parmi les objets tombés dans la tombe se trouve aussi le manche d'une hache à douille de bronze. C'était l'outil le plus ordinaire, qui a appartenu probablement aux pilleurs. Il est cassé à la tête de la hache et c'est à cause de cela qu'il fut rejeté. C'est pour la première fois qu'on ait trouvé un manche d'une hache de bronze et ce manche est tout-à-fait différent de ceux que les archéologues nous ont donné sur leurs dessins reconstitutifs. Il est fait d'une branche de sapin, coupée avec une partie d'un gros rameau, laquelle a été façonnée de manière pour qu'on y puisse emmancher la hache à douille.

Le mort a été inhumé dans un sarcophage énorme de 3.75 m de longueur, creusé à la façon d'un auge dans un gros tronc d'un mélèze centenaire. Le couvercle est fait d'un autre tronc semblable. La surface extérieure du sarcophage est couverte de bandes étroites de l'écorce brune et brillante de putiet, tandis que ses côtés sont ornés de grandes figures d'oiseaux stylisés, placés dans les poses héraldiques et qui sont découpés de peau fine et argentée.

Les menus fragments des autres objets, qui sont restés sur le plancher de la chambre sépulcrale parmi les pierres,

les morceaux de bois et la terre, par exemple: des petites têtes de bouc de montagne faites de cuir sculpté et doré, des débris d'une dorure quelconque etc., donnent à penser que la chambre a été remplie autrefois de beaucoup d'objets richement ornés, faits de divers matériaux et destinés aux divers buts. Mais tout cela a été enlevé par les pilliers.

La partie du nord de la tombe, restée intacte, contient des trouvailles d'un intérêt tout-à-fait particulier. Les objets qu'on y a trouvés, furent moins endommagés. Tandis que la chambre était remplie jusqu'au plafond de la glace poreuse qui donnait tout-de-même l'accès à l'air bien que froid, une glace pure, transparente et dense occupait toute la partie septentrionale de la tombe. Là, dans un désordre complet, on avait jeté dix étalons alezans abattus par un coup de marteau de bronze, porté au chanfrein. Ensuite, on a jeté sur leurs cadavres les harnachements en quantité correspondant au nombre des chevaux. On pourrait croire que ces trouvailles, trop uniformes quant à leur composition, ne sont pas assez intéressantes du point de vue scientifique. C'est tout le contraire. Les riches harnachements, la diversité de matériaux dont ils furent fait, le grade de la technique employée à les préparer, la richesse exceptionnelle des ornements et des figures du style soi-disant «animal», les cadavres des chevaux eux-mêmes — nous donnent la possibilité d'éclaircir plusieurs questions de l'histoire de ces peuples anciens et de l'histoire d'art surtout.

La selle et la bride sont d'un grand intérêt. Jusqu'à présent, les fouilles nous ont fourni seulement des détails séparés de bois ou de métal. Il était impossible de reconstituer d'après eux même d'une manière assez vague la forme ancienne de la selle et de la bride. L'amphore célèbre de Tchertomlyk et quelques autres objets des kourganes scythiques nous livrent des figures de la selle et de la bride des Scythes. Les trouvailles du trésor d'Oxus et quelques plaques sibériennes de la collection d'or de l'Ermitage, nous donnent les images de chevaux sellés nomades, qui ont habité

les autres régions. Mais tous ces dessins sont tellement schématiques, qu'il n'y a pas moyen de les comprendre tout-à-fait précisément. La reconstruction complètement manquée de la selle scythique, faite récemment par W. Arendt,² peut servir d'exemple. Dans le kourgane de Pazyryk la bride ainsi que la selle s'est conservée à merveille avec tous les détails, y compris les fils de tendon, à l'aide desquels les sangles étaient cousues ensemble.

Les brides de tous les dix harnachements trouvés dans le kourgane de Pazyryk sont richement ornées de plaques de cèdre, artistiquement découpées, ou de petites figures de cuir sculpté. Toutes ces plaques, boucles et montants de mors, sont argentés ou couverts de feuilles d'or. Les cuirs des selles sont ornés de la même manière. Les selles étaient couvertes de housses de feutre fin et colorié et dont les applications de feutre multicolore ou de cuir doré, argenté ou colorié, furent les ornements. Les bords des housses étaient garnis de diverses pendeloques, très finement travaillées et qui présentent de différentes combinaisons de feutre, de cuir de fourrure et de crin également coloriés. Quelques housses sont ornées avec une telle profusion qu'elles cachent complètement non seulement la selle, mais encore une grande partie du cheval. Ce ne sont pas, assurément, les selles et les brides usuelles. Elles ne pourraient pas supporter un voyage quelque peu durable. Les plaques fines de bois, travaillées à jour, les applications de la housse cousues avec le fil de tendon à l'aide de quelques points, et tous les autres ornements de la selle étant si fragiles, il est clair qu'après deux heures de voyage, ils seraient complètement cassés, arrachés ou perdus. Ils ne sont pas appropriés non plus pour les sorties d'apparat. Donc on peut supposer que c'étaient des accessoires de funérailles, qui ont été effectués spécialement pour la procession funèbre.

Mais si nous admettons que ce ne sont que les accessoires de la cérémonie funèbre, a-t-on le droit de faire d'après eux les conclusions quant à la selle et la bride usuelles? Certes,

on le peut. Car, si les ornements de la selle et de la bride de Pazyryk peuvent n'avoir rien de commun avec ceux des selles usuelles, tout de même leur construction copie sans aucun doute la vraie selle et la vraie bride en usage dans ce temps-là.

En dégageant la bride de Pazyryk de ses plaques dorées, nous recevons une bride telle qu'elle est représentée, par exemple, sur une plaque d'or avec les figures des cavaliers au pied d'un arbre, qui fait partie de la collection d'or de Sibérie à l'Ermitage. La rêne de cette bride est faite d'une façon particulière, de même que le système spécial qui joint le frein aux cuirs de la bride. La selle de Pazyryk, débarrassée de ses plaques, housses et pendeloques est la selle usuelle, représentée sur les divers objets, provenant des Scythes et des autres nomades de l'époque scythique. Cette selle est tout-à-fait différente des selles contemporaines, qui nous sont connues. Elle n'a pas de fond dur. Ce sont tout simplement deux coussins de cuir remplis de poil de renne, qui sont cousus ensemble. Par-dessus ces coussins, une sangle est mise, qui se noue sur un côté par un noeud. Les cuirs de poitrine et de la queue, noués à la sangle tout prêt des coussins, ne permettent pas à la selle de descendre ni en arrière, ni en avant. Les étriers font défaut. Voilà l'aspect de la selle.

La selle de Pazyryk est la plus primitive et la plus simple parmi celles qui nous sont connues. C'est probablement une des premières formes de la selle, puisque la forme encore plus simple, qu'on puisse imaginer, serait non pas la selle proprement dite, mais une litière. En même temps, la selle de Pazyryk se présente comme type d'une selle déjà entièrement achevée, fixée et très répandue parmi les nomades des steppes, tandis que les peuples avancés de l'Orient et de l'antiquité classique, l'ignoraient complètement. Et ce n'est pas fortuitement que les éleveurs de chevaux, habitant les steppes d'Asie et de la Mer Noire, forcés de passer presque tout leur temps à cheval, ont devancé en cela les autres peuples. Ils ont du inventer et mettre en usage les

arrangements, préservant le dos du cheval de toutes sortes d'endommagements et procurant au cavalier les commodités possibles pendant de longs trajets habituels. Un tel arrangement eut la forme de la selle. Malgré son imperfection, elle devait représenter à un nomade un avantage considérable.

En étudiant les selles et les brides de Pazyryk nous sommes frappés tant par leur richesse et la beauté artistique de l'exécution que par l'abondance de sujets et de motifs ornementaux. Plus de deux cents grandes plaques sculptées de cèdre, meilleur matériel pour la sculpture en bois, sont dorées ou argentées. Elles recouvrent les cuirs et représentent diverses figures en bas-relief d'animaux ou de leurs têtes. Ce sont parfois des combinaisons de divers éléments du style «animal», pareils aux motifs d'ornement végétal, et parfois représentant des visages d'hommes. Les montants du mors de la bride en forme de cerfs courants ou de moutons de montagne sont exécutés d'une façon extrêmement artistique. Les pendeloques colorées de la selle sont faites en forme de têtes de moutons de montagne, de poissons, du dragon attrapant le mouton de montagne, de tigres d'une dimension énorme (plus d'un mètre de longueur). On imite parfois les scalpés d'hommes, etc. Les housses de la selle sont ornées par des scènes de combats de divers animaux, ou des têtes de tigre et de moutons de montagne et des tigres entiers. Les coussins de la selle et les cuirs de la queue sont couverts d'un grand nombre d'applications de cuir fin et argenté avec les motifs purement ornementaux. Ce sont les résultats d'une stylisation graduelle des parties diverses du corps d'animal. L'exécution ainsi que les procédés de cette stylisation sont d'une variété extraordinaire. Nos artistes modernes peuvent envier cette grande connaissance de la nature et de la forme et cette expression admirable qui caractérisent certaines figures animales exécutées avec un réalisme surprenant par les artistes de Pazyryk. Mais parmi de telles œuvres d'art, il y en a d'autres, tout-à-fait schématiques,

stylisées à outrance, dont le sujet est difficile à déchiffrer même pour un archéologue ou un historien d'art. Les animaux réels — élans, rennes, moutons et boucs de montagne, tigres etc. alternent avec les êtres purement mythiques et fantastiques tels que les tigres ailés avec une tête d'oiseau au bout de la queue, ou avec des cornes d'antilope de steppe sur la tête et un bec d'oiseau de proie à la place de mufle etc.

Les trouvailles des régions de montagnes et de steppes de la Sibérie, ainsi que des confins de la Mer Noire, si riches pourtant en oeuvres d'art, n'en ont jamais donné une telle abondance et variété des objets en style animal. Les harnachements de Pazyryk donnent en somme plus de 80 motifs ornementaux, et plusieurs d'entre eux se répètent 18, même 24 fois et plus encore. Sur les housses, sur les pendeloques et les plaques de bois, les scènes de combats des animaux sont d'un intérêt particulier. Un tigre enfonce ses dents dans la gorge d'un mouton de montagne ou la croupe d'un élan, un oiseau de proie porte un élan dans ses griffes, un bouc de montagne est attrapé par un tigre ailé, dont les griffes s'enfoncent dans la patte et dans le garrot du bouc. Les scènes pareilles, représentant les animaux vainqueurs et vaincus, sont traitées dans un style parfois réaliste, parfois schématique et complètement stylisé.

Ce serait superficiel d'expliquer ces scènes par une fantaisie d'artiste ou par une simple copie de vie des animaux. Un oiseau de proie, le plus énorme, ne peut pas porter en ses griffes un animal tel que l'élan; il est impossible pour un tigre, habitant les plaines marécageuses et les bois, d'attraper un mouton ou un bouc de montagne, qui ne descendent jamais de leurs sommets. Il serait étrange que les artisans (il est fixé que les dix selles étaient faites par des artisans divers) eurent la même fantaisie de faire orner la tête de tigre avec les cornes d'antilope de steppe. Toutes ces figures renferment un sens plus profond. Elles reflètent l'idéologie de la société, qui a laissé ses vestiges dans le kourgane de Pazyryk. Cette idéologie était empreinte des traces d'une

mentalité primitive et longtemps dépassée à l'époque de Pazyryk, celle du totémisme. Nous devons déchiffrer ces combats d'animaux comme des symboles des anciennes luttes, qui eurent lieu parmi les tribus et les clans, qui formèrent ensuite la société de l'époque de notre kourgane. Il est possible d'autre part que certaines figures doivent être considérées comme une expression des idées cosmiques. De ce point de vue, les oiseaux et les animaux ailés seraient les éléments du monde céleste et les poissons ceux du monde chthonique.

Si les trouvailles de Pazyryk peuvent être nommées extraordinaires, quant à la richesse, la variété et la multitude des objets façonnés dans le style «animal», tout-de-même, chacun de ces objets n'a rien d'exclusif. Les sujets analogues et le style de ces animaux nous sont connus aussi par d'autres spécimens. Un nombre considérable de tels produits, trouvés tant sur le Danube que près de Beipine, du Piandj et de la Kama, c'est-à-dire dans des contrées très éloignées l'une de l'autre, offrent parfois une ressemblance frappante. Cela a donné naissance dans la littérature archéologique aux termes «style animal scytho-sibérien», «scythes sibériens», etc. Mais il est indispensable de noter, que ce style «scytho-sibérien» n'est pas homogène et provient de diverses sources. Les figures d'animaux trouvées en Hongrie diffèrent non seulement de celles d'Ordos, mais de celles de la Volga et du Dniepr aussi. Les figures d'Altaï diffèrent de celles du Ienisseï, et les spécimens de la Sibérie Occidentale de ceux de la Kama. Cette différence comprend non seulement les détails stylistiques, mais aussi le sujet. De ce point de vue, l'art des peuples d'Altaï, représenté par les trouvailles de Pazyryk et par d'autres encore de la même époque, possède beaucoup de traits individuels, qu'on ne pourrait pas confondre avec ceux de l'art des autres régions. La base économique et sociale, homogène pour tous les peuples qui habitaient les vastes régions des steppes et leur histoire, offrant beaucoup d'analogies, ont donné naissance à l'art

homogène aussi, que certains savants désignent comme «style animal scytho-sibérien».

L'art des peuples d'Altaï de cette époque ne fut pas importé et de même ne servit pas de modèle pour les autres régions; il est tout-à-fait original, sans être isolé. Tout ce qui correspondait à l'idéologie et au goût artistique de ce peuple, prenait racine et faisait partie de la culture artistique de cette société. C'est par de tels raisons qu'on doit expliquer probablement la ressemblance de procédés et de sujets communs à l'art des Achéménides d'Iran et à celui du peuple, qui a construit le kourgane de Pasyryk.

Les trouvailles du côté septentrional de cette tombe, outre les selles et les brides déjà citées, comprennent encore plusieurs objets, se rattachant plus ou moins au cheval de selle. On les a trouvés ou attachés à la selle, ou séparément. Notons parmi eux des boucliers pareils à celui qui figure sur le peigne d'or du kourgane de Solocho, c'est-à-dire formés de petits bâtons réunis par un morceau de cuir, un fouet de cuir dont le manche est en bois, un petit sac-coussin de fourrure de la tête d'un lynx qui est rempli des herbes, probablement aromatiques, un autre sac cousu de divers morceaux de fourrure teinte, etc.

Mais ce sont surtout les masques pour les têtes des chevaux, trouvés aussi dans cette partie de la tombe, qui sont d'un intérêt extrême. Pour deux des dix chevaux, jetés dans la tombe, on a mis, outre les selles et les brides, quelques objets tout-à-fait originaux qu'on rencontre pour la première fois. Ce sont des étuis de cuir ornementé pour les queues, les ornements pour les crinières faits de feutre, de cuir et de crin d'un rouge très vif et les deux masques enfin. Ils sont faits d'un feutre épais et de cuir. Le combat de deux animaux — d'une bête féroce ailée et d'un tigre, — occupe presque toute la surface d'un des masques. La tête et les ailes de cet animal, faites séparément, surmontent le chanfrein du cheval, tandis que le corps et les jambes repliées sous le ventre se trouvent de chaque côté du masque, cou-

vrant ses joues. Le corps et la tête de cet animal sont analogues à ceux des félidés; il a les ailes d'un oiseau et les cornes d'antilope de steppe sur la tête. Le long du nez du masque une figure de tigre couverte de feuilles d'or est mise, dont les yeux et les oreilles sont peints en noir de même que le dessin rayé de sa peau (sur le corps et les jambes). La tête du tigre est mise sur la tête du cheval, ses jambes de devant au-dessus des yeux et celles de derrière aux bords de la lèvre supérieure. Les deux animaux sont en train de lutter. L'animal ailé tient de ses deux pattes le tigre par la gorge, tandis que le tigre enfonce ses dents dans la poitrine de son adversaire, tenant celui-ci aux omoplates. L'extérieur de ce masque devait produire un grand effet. Un grand tigre d'or se détachait rudement sur le fond multicolore et vif de la bête ailée, dont le corps, la tête et les ailes étaient faits de cuir doré, argenté et colorié et la crinière de crin d'un rouge vif.

Le second masque, plus simple quant à son sujet, mais beaucoup plus beau et somptueux, devait produire un effet encore plus grand. Sur son nez, une figure de tigre est mise aussi, mais elle est faite de fourrure bleue très vive et couverte de petits cercles d'or, de grandeur d'un pois. Les autres parties du masque sont faites de cuir teint et ajouré en rosettes, les petites feuilles d'or occupant ces coupures. A la place même, où les ailes du premier masque se rattachent, des cornes de renne de grandeur naturelle faites en gros cuir, sont mises. Ces cornes sont couvertes d'un cuir fin et colorié dont les coupures sont ornementées. Les cornes qui nous apparaissent à travers ces coupures, sont argentées et partiellement couvertes de feuilles d'or. Aux bouts des cornes se trouvent les glands de crin d'un rouge vif. Ces cornes, quoique fort stylisées, ont la forme de celles d'un renne réel. L'artisan, qui les a fait, a souligné attentivement tous les éléments spécifiques de cornes de renne, afin que l'erreur soit impossible.

L'académicien N. Marr a démontré d'après ses études linguistiques, que le renne a été le premier animal de selle,

le cheval ayant pris sa place longtemps après.³ Ces conclusions quoique faites trois années avant les fouilles de Pazyryk sont confirmées par les masques de Pazyryk d'une manière brillante.⁴

Dans la vie du peuple, qui a construit le kourgane de Pazyryk, le renne, cessant d'être un animal de selle, a conservé pourtant ce rôle quant au culte funèbre. Le mort est envoyé dans l'autre monde en compagnie d'un renne sellé. Il est vrai, que ce n'est pas un renne réel, mais un cheval déguisé en renne. Mais il n'est pas absolument nécessaire que tout soit vrai dans une cérémonie funèbre. Plusieurs objets (même peut-être tous) du kourgane de Pazyryk ne sont pas vrais, mais faits spécialement pour les funérailles, c'est-à-dire d'une façon plus fragile et des matériaux non usuels.

La sépulture de Pazyryk doit être placée au IV—III siècle avant notre ère, tandis que le cheval de selle était connu aux peuples d'Altaï et de steppes au moins cinq siècles auparavant. Il est possible que les contemporains du kourgane de Pazyryk connaissent d'après les récits anciens, que le renne de selle a devancé le cheval. Mais il est plus probable encore qu'ils n'en avaient plus aucune idée et seul le culte funèbre conservait les traces de ce fait, la signification duquel avait déjà disparu. C'est par ces raisons qu'on peut expliquer l'absence de cornes de renne sur le second masque, qui est fait précisément à la façon du premier avec les figures des animaux combattants. Les cornes de renne y sont transformées en ailes d'animal, la coutume de déguiser le cheval en renne ayant déjà complètement perdu son sens. Le côté extérieur seul a survécu et le masque qu'on mettait au cheval avait déjà un sens tout nouveau.

La conservation extraordinairement bonne des trouvailles de Pazyryk nous donne la possibilité de pénétrer dans des tels coins de cette vie ancienne qui nous sont restés généralement fermés à cause de l'état habituel du matériel archéologique. La terre sous le remblai du kourgane de Pazyryk n'étant pas congelée, nous n'y aurions rien trouvé excepté

une douzaine de clous de cuivre, une dizaine de mors de fer augmentés d'un tas de feuilles d'or déformées. Tous les objets si riches et si intéressants, que nous avons décrit ici, seraient complètement perdus. Des chevaux inhumés dans ce kourgane, seuls les os seraient restés, sans pouvoir nous donner l'idée de l'extérieur de ces animaux, tandis que les cadavres intacts, conservés dans le kourgane nous permettent de les étudier d'une manière tout-à-fait exceptionnelle. Les résultats de ses investigations furent complètement inattendus, les chevaux de notre kourgane ne ressemblant en rien aux soi-disant «mongols», c'est-à-dire aux chevaux modernes des steppes de l'Asie. Le professeur W. Witt, qui a étudié les chevaux de Pazyryk, dénote leur haute taille, leur maigreur et leurs formes sveltes et fermes. Quant à l'analogie de ces animaux avec les chevaux modernes, il les compare aux fameux courriers de Tourkménie, qui ont donné souche d'après l'avis de quelques savants, tout comme les chevaux arabes, à la race chevaline anglaise. Sur les chevaux de Pazyryk nous ne remarquons pas d'endommagement quelconque et d'autres traces produites par le travail. Leur poil alezan était fort soigné, la crinière et la mèche coupées court, de même que les glands aux pieds, qui sans ça étaient déjà assez courts. Le crin de la partie supérieure de la queue était coupé presque à la racine. Une telle toilette donnait au cheval beaucoup de ressemblance avec un cheval sauvage. Tous les chevaux de Pazyryk portent les signes de propriété. Leurs oreilles sont entaillées. Un cheval a reçu 3 incisions sur l'oreille gauche et 2 sur la droite, les autres sont marqués de la même manière, mais le nombre des incisions est toujours différent. C'est que les dix chevaux appartenaient, probablement, aux divers propriétaires. Ils furent inhumés avec le mort comme offrandes de ses subalternes.

Il n'y a pas besoin de souligner le rôle énorme du cheval dans la société du kourgane de Pazyryk. Le fait même de l'inhumation avec un homme de dix beaux chevaux aux harnachements si riches, est assez expressif pour comprendre

la signification du cheval comme meilleur moyen de transport. Mais il est indispensable de noter, que ce moyen-là n'était pas unique. Le cheval était désigné spécialement pour le travail exigeant la vitesse et la facilité de transport et, en premier lieu, pour la guerre. Quant au moyen de transport pour les besoins économiques, les autres animaux, les boeufs surtout, étaient exploités. Les trouvailles de Pazyryk dénotent ce fait d'une façon assez claire. On a trouvé parmi les poutres de la partie supérieure de la tombe divers objets de bois, qui ont servi pour la construction de cette tombe. Il y en avait des coins, des pals, les débris des bûches, des maillets etc. et, parmi eux, deux jougs pour les boeufs et trois parties d'un araba.

Il est impossible de décrire dans un article si court tous les détails touchant les fouilles du kourgane de Pazyryk. Grâce à l'état idéal de leur conservation, ces trouvailles nous donnent la possibilité d'étudier avec une plénitude extraordinaire, les divers côtés de la vie de l'homme ancien du point de vue économique, social et culturel. L'état habituel des matériaux archéologiques nous défend souvent même d'aborder des problèmes pareils. Nous avons tâché de faire ici un court aperçu des questions les plus importantes, n'ayant pas de place pour mentionner les autres matériaux du kourgane de Pazyryk et les autres problèmes suscités par ces matériaux. Leur investigation réclame la collaboration des spécialistes de différentes disciplines, vu que les questions soulevées par ces trouvailles concernent beaucoup de branches de la science.

Le Musée de l'Ermitage, qui possède les trouvailles du kourgane de Pazyryk, prépare l'édition d'une monographie spéciale consacrée à leur étude. Le lecteur y trouvera les descriptions complètes de tous les objets trouvés dans ce kourgane.

*

NOTES

1. Pour une brève communication sur les fouilles de cette tombe v. mon article dans la «Wiener Prähistorische Zeitschrift», XV, 1928.
 2. W. Arendt, Sur l'apparition de l'étrier chez les Scythes, Eurasia Septentrionalis Antiqua IX, Helsinki, 1934.
 3. «Les moyens de transport, les moyens de défense et les outils de travail des sociétés préhistoriques». Édition de l'Institut d'histoire et d'archéologie du Caucase, Leningrad, 1926 (en russe).
 4. Quant aux masques du kourgane de Pazyryk v. encore: N. Marr, Compte-rendu préliminaire d'une mission à l'étranger, Comptes-rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS, Série B, 1929, n° 17.
-

Технический редактор Л. А. Федоров. Ученый корректор Н. П. Лебедева. Начато набором 1 июня, подписано к печати 17 июня 1937 г. Формат 62X94 см. 44 стр. 2³/₄ печ. л. 2,23 уч.-авт. л. 32435 зн. в л. Тираж 1500. Ленгорлит № 3198 РИСО № 394. АНИ № 140. Заказ № 579. Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

1930 Н.

Цена 1 р. 50 к.

30